

Игорь Калиганов, проф. д.ф.н.

Институт славяноведения – Российская Академия наук, Москва

О ПЕРВОЙ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СЛАВИСТИКЕ

(Предыстория и начальный вариант текста А. Н. Пыпина 1865 г.)¹

Резюме. Статья посвящена предыстории и появлению первой истории болгарской литературы в России. Она представляла собой раздел о словесности болгар в „Обзоре истории славянских литератур“, опубликованный в 1865 г., будущим академиком А. Н. Пыпиным. Процесс постепенного накопления материалов, необходимых для ее создания, затянулся из-за многих неблагоприятных исторических факторов и длился чуть более полувека. Столь длительный период объяснялся нахождением болгар под османским владычеством, отсутствием у них национального книгопечатания и высших школ, относительно поздним началом славистических исследований в данной области и другими причинами. В статье работа Пыпина над болгарской темой сравнивается с составлением художником мозаичного панно из многих „пазлов“. Они принадлежали зарубежным ученым Й. Добровскому и П. Й. Шафарику, русским исследователям Ю. И. Венелину, В. И. Григоровичу и И. И. Срезневскому, а также ряду представителей болгарской эмиграции: В. Априлову, Н. Палаузову, Р. Жинзифову и др. Первая версия Пыпинской истории болгарской литературы отражала тогдашний уровень научных знаний славистов по данной проблематике и отличалась наличием множества лакун. Вторая версия Пыпинского раздела о болгарской литературе, опубликованная около 15 лет спустя в двухтомной „Истории славянских литератур“ (Санкт-Петербург, 1879–1881), была гораздо более удачной, обогащенной новыми историко-литературными фактами и научными обобщениями. Указанная „История“ получила широкое международное признание и почти сразу же была переведена на многие западноевропейские языки. Соответствующие извлечения из нее были переведены в Болгарии и Сербии.

Ключевые слова: Болгария, А. Н. Пыпин, первая история болгарской литературы 1865 г., достоинства и недостатки

Появлению истории литературы любого народа обычно предшествует процесс накопления и осмысления учеными необходимых материалов, и литература болгарская не является здесь исключением. По отношению к ней подобный процесс длился чуть более полувека: с 1826 по 1879 г. По моему мнению, его началом является выход в Бude труда „Обзор славянских лите-

¹ Бълг. редактор – доц. д-р **Радослава Илчева**.

ратур по всем наречиям“ на немецком языке² П. Й. Шафарика (1795–1861). А завершение этого процесса ознаменовала публикация в Санкт-Петербурге I тома второго издания „Истории славянских литератур“ с разделом о болгарской литературе от древности до современности³. В качестве вехи я избрал именно второе издание, поскольку в первом, опубликованном в 1865 г. так же в Санкт-Петербурге под названием „Обзор истории славянских литератур“⁴, болгарский раздел имел множество лакун и был не совсем удачным. Авторами и первого, и второго российских изданий являлись А. Н. Пыпин (1833–1904) и В. Д. Спасович (1829–1906), но далее второй ученый упоминается мной редко, потому что в обоих изданиях ему принадлежат только разделы по истории польской литературы, не относящейся к рассматриваемой теме. В данной статье кратко очерчивается постепенное обогащение представлений славистов о литературном развитии болгар благодаря вводу в науку новых материалов и создание А. Н. Пыпиным первого варианта истории болгарской литературы, который может служить иллюстрацией уровня знаний в этой области славистики в середине 60-х годов XIX в.

Длительный процесс рождения первой истории болгарской литературы объясняется многими неблагоприятными историческими факторами:

I. В конце XIV в. Болгария была захвачена османами, после чего ее население около пяти столетий находилось у завоевателей в плену. В неполном объеме государственность страны была восстановлена на части болгарских земель лишь в последней четверти XIX столетия в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.;

II. В период османского ига у болгар не было не только высших учебных заведений с профессурой, но довольно долго даже и общественных школ с преподаванием на родном языке и использованием болгарских учебников. Простейшей грамоте и арифметике детей учили местные священники и монахи в так называемых „келейных училищах“ при монастырях и храмах. Первую светскую школу открыли в Габрово на средства меценатов болгар только в 1835 г.⁵ По учебной организации и архитектуре она представляла собой копию Ришельевского лицея в Одессе.

III. Из-за запретов османских властей и эллинизаторской политики греческого духовенства в стране до 40-х годов XIX в. отсутствовали типографии для печатания славянских книг. Первую типографию для подобных

² ŠAFARIK, P. J. *Geschichte Der Slawischen Sprache Und Literatur: Nach Allen Mundarten*. Ofen: Mit Kön und Universitäts, 1826.

³ ПЫПИН, А. Н., СПАСОВИЧ, В. Д. *История славянских литератур*. Санкт-Петербург: Типография Стасюлевича, т. I, 1879, с. 47–137.

⁴ ПЫПИН, А. Н., СПАСОВИЧ, В. Д. *Обзор истории славянских литератур*. Санкт-Петербург: Типография Бакста, 1865, с. 50–90.

⁵ Меценатами выступили обрусевшие одесские купцы Васил Априлов, Николай Палаузов, габровец Феодосий Йовчев и др. См.: СЛАВЕЙКОВ, П. *Габровското училище и неговите първи попечители*. Цариград, 1866.

целей национальный просветитель из Самокова Никола Карастоянов (1778–1874) смог открыть на родной земле лишь в 1847 г. За полтора десятка лет в ней издали около тридцати церковно–религиозных книг и несколько учебников для начальных школ⁶. Книги для болгар печатались в основном за пределами родных земель. Они выходили у сербов в Белграде и Крагуеваце, в Буде у венгров, в Рымнике, Бухаресте и Браиле у румын, в османской столице Стамбуле (который обычно именовался в изданиях „Цариградом“), в Смирне и других городах.

IV. Из-за отсутствия типографий сохранение и распространение слова в болгарских землях долго осуществлялось средневековым рукописным способом, а век рукописей, как известно, бывает недолог. Многие древние болгарские рукописи погибли во время османского завоевания страны. Они сгорали затем в пожарах при налетах на монастыри и церкви албанских и османских разбойников. Их целенаправленно и уничтожали греческие владыки, которые верховодили в местных храмах и обителях и стремились эллинизировать свою болгарскую паству. Их сжигали и сами болгарские священнослужители по причине ветхости манускриптов и отсутствия средств на изготовление копий.

В результате всех этих факторов рукописных памятников национальной литературы в болгарских землях уцелело сравнительно немного. Они сохранились главным образом вне Болгарии в более поздних русских, сербских и валашско–молдавских списках. При этом большинство болгарских литературных произведений были анонимными и не имели указаний на время и место своего первоначального создания. Их прояснение требовало систематических занятий ученых, каковых не было ни в порабощенной турками Болгарии, ни за границей. Возникал своеобразный замкнутый круг, который можно кратко охарактеризовать, как „некому – нечего – не за что“. Или, если подробнее, то: отсутствие специалистов – отсутствие знаний (нечего сказать) о болгарской литературе – отсутствие в этом общественной потребности в Европе и, следовательно, средств на изменение сложившегося положения.

Но постепенно этот круг начал размыкаться. Скучные, разрозненные сведения о существовании древней славянской книжности в Болгарии IX – начале X вв. стали мелькать в трудах ученых П. Й. Шафарика и патриарха славистики Й. Добровского (1753–1829). Это произошло в связи с изучением ими деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии и Паннонии⁷.

⁶ ЗЛАТАРСКИ, В. Даскал Карастоянович и неговата печатница. – *Периодическо списание*, кн. 66, София, 1905.

⁷ В России имя Й. Добровского было так же широко известно, как затем имя П. Й. Шафарика: в 1792 г. он побывал в Санкт-Петербурге и Москве с целью работы в российских рукописных хранилищах, он переписывался с А. Х. Востоковым, Н. М. Карамзиным и президентом Академии наук А. С. Шишковым. Его труды (ДОБРОВСКИЙ, Й. *Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. Историко-критическое исследование*, Москва, 1825, и *Грамматика славянского языка по древнему наречию*, ч. 1–3, Санкт-Петербург, 1833–1834) были переведены на русский язык, он был избран действительным членом Российской Академии.

Попутно в них иногда всплывали имена тех учеников первоучителей славянства, которые из-за гонений немецко-латинского духовенства оказались в болгарских землях: Климента, Константина⁸, Наума, Саввы, Ангелария и упоминавшегося среди них Горазда (хотя тот, скорее всего, скончался в Великой Моравии и в Болгарии не подвизался). Но никаких подробностей об их творчестве в стране, которая предоставила им кров и создала великолепные условия для развития книжной деятельности, ученые больше не сообщали.

Насколько смутными и отрывочными были представления о болгарской литературе в Западной Европе и России в 20-е годы XIX в. явствует из упомянутого труда П. Й. Шафарика „Geschichte der Slawischen Sprache Und Literatur: Nach Allen Mundarten“. Литературные материалы в нем расположены с учетом численности каждого конкретного славянского этноса и его конфессиональной принадлежности к православию или католицизму. На первом месте закономерно находится Россия, литературе которой отведено 57 страниц⁹, за ней следует литература сербов, занимающая 35 страниц¹⁰. В разделах о западных славянах наибольшее внимание логично посвящено польской (80 = 399–478) и чешской (79 = 289–367) литературам. В общий раздел славянской католической литературы на Балканах П. Й. Шафарик включил творчество книжников и писателей Далмации, Боснии, Словении и Хорватии, поместив сведения о ней на 40 страницах (226–265) своей книги. Нашлось в ней место даже для литературы обитающего в Германии крошечного народа сорбов (4 = 55–58). И лишь болгарской литературе в труде не было отведено ни одной (!) страницы.

Скудные факты о Болгарии, болгарских писателях и созданных ими произведениях встречаются в различных разделах книги крайне редко, их число не превышает и пяти. В русском разделе, например, упоминается имя умершего в 1406 г. в России митрополита Киприана, автора жития Петра, митрополита Московского, но Шафарик называет писателя сербом¹¹. Чуть далее говорится о митрополите Григории Цамблаке (или Самвлахе), являвшимся, по словам ученого, по происхождению болгаринном, но о написанных книжником произведениях он умалчивает. На нескольких страницах труда мелькают имя болгарского книжника X в. Иоанна Экзарха и заглавий переведенных им с греческого языка на славянский сборника „Шестоднев“ Василия Великого и сочинения „Небеса“ Иоанна Дамаскина. Но более подробные сведения о данных сочинениях и личности переводчика у Шафарика отсутствуют.¹² Для ученого гораздо интереснее деятельность К. Ф. Калайдовича (1792–1832) – российского слависта, открывшего

⁸ Мнение о принадлежности Константина [епископа Преславского] к числу „седмочисленников“ не было принято в науке.

⁹ ШАФАРИК, П. Указ. соч., с. 134–190.

¹⁰ Там же, с. 191–225.

¹¹ Там же, с. 152.

¹² Там же, с. 128–129, 224.

и издавшего „Шестоднев“ за два года до выхода его собственного труда¹³. К этому можно добавить сведения Шафарика о численности болгар, насчитывающихся, по его утверждению, 600 тысяч человек, и о близости их языка к сербскому, далматинскому и боснийскому. Это практически все, что можно найти о Болгарии и болгарской литературе в рассматриваемом труде словацко-чешского исследователя.

Таким образом, перед нами предстает История славянских литературы без самой древней из них, возникшей еще в конце IX в. литературы болгарской. Шафарик вряд ли испытывал некое предубеждение против болгар и нежелание о них писать. Он просто не располагал необходимыми для болгарского раздела данными, которых в науке к тому времени элементарно не существовало. Его начинание в отношении болгарской литературы можно считать вехой, но она была близка к нулевой. Ценность этого начинания состояла в том, что оно обозначило имеющуюся в науке лакуну, которую необходимо было заполнить.

Более активно началось преодоление упоминавшегося замкнутого круга („некому – нечего – не на что“) в России в 30-е – 60-е годы XIX в. благодаря учреждению кафедр славянской филологии, научным путешествиям российских ученых на Балканы, включая Болгарию, и расширению их научных связей со славистами Западной Европы. Наряду с этим начиная с 40-х годов того века стало нарастать встречное движение болгарской стороны. Оно происходило главным образом за счет эмигрантов болгар, которые, обосновавшись на чужбине, получали высшее образование, организовывали выпуск болгарских газет, журналов и книг, публиковали в них литературные произведения соплеменников, обнаруживавшиеся в древних и более современных рукописях, и сами незаметно превращались в ученых и писателей. Их число было достаточно велико, а их научные интересы – весьма разнообразны: они включали болгарскую историю, фольклор, этнографию и только в последнюю очередь – национальную литературу. Тем не менее даже сравнительно немногочисленные статьи болгарских эмигрантов о родной литературе и опубликованные ими в русской печати стихи, повести, рассказы и очерки сыграли немаловажную роль в создании А. Н. Пыпиным в дальнейшем вполне удачной истории болгарской литературы в 1879 г.

При всем этом главная заслуга в ее появлении все-таки принадлежала ученым России. Российская политика покровительства угнетенным православным народам на Балканах закономерно привела к включению в 1835 г. в университетские уставы преподавание языков, истории, этнографии, фольклора и литературы южных славян. Эти предметы не фигурировали в уставах, как отдельные научные дисциплины, а обычно все вместе включались в общее понятие „славянская филология“. Кафедры славянской филологии, которая касалась, разумеется, славян не только южных, но и

¹³ КАЛАЙДОВИЧ, К. Ф. *Иоанн ексарх болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX–X столетий*. Москва: Типография С. Селивановского, 1824

западных, появились сначала в Московском, Санкт–Петербургском (обе в 1835) и Казанском (1838) университетах. А спустя три десятка лет такие кафедры были учреждены также в университетах Одессы (Новороссийский) и Варшавы (1865)¹⁴. Возглавить их в будущем должны были квалифицированные профессора славянской филологии. Кандидатам на эти должности правительство выделяло средства на длительные научные путешествия в славянские страны с целью изучения местных языков и сбора материалов, необходимых для написания докторских диссертаций и преподавания славистических дисциплин. Многие из таких ученых занялись затем освоением болгарских тем, и их работы послужили в дальнейшем важным подспорьем для А. Н. Пыпина при создании им первой истории болгарской литературы. Здесь прежде всего следует упомянуть имена Ю. И. Венелина, В. И. Григоровича и И. И. Срезневского – исследователей, создававших свои работы по болгарской литературной проблематике в конце 30-х – 40-х годов XIX в.

Первым российским „болгаристом“¹⁵ принято считать ученого-любителя Ю. И. Венелина (1802–1839)¹⁶. Он был сыном закарпатского сельского священника, получил медицинское образование в Московском университете, но одновременно увлекался и славянской филологией. Интерес к ней возник у него в Кишиневе, в бытность преподавателем семинарии в 1823–1825 гг. Здесь он впервые встретил болгарских переселенцев, проникся к ним большей симпатией, которая переросла в любовь к истории, языку, этнографии и словесному творчеству болгар. Ему начал покровительствовать молодой тогда российский историк, преподаватель Московского университета, будущий академик М. П. Погодин (1800–1875). Его тронули „чистая, ребяческая душа“ его нового знакомого и беззаветная преданность того болгарской теме¹⁷. Погодин на свои средства в 1829 г. издал ставшую затем известной книгу Венелина „Древние и нынешние болгаре...“¹⁸ и через год способствовал отправке своего подопечного в научное путешествие в Болгарию. Венелин мечтал стать преподавателем славянской филологии на одноименной кафедре историко–филологического факультета Московского университета и для достижения своей цели написал „Грамматику современного болгарского наречия“ и составил программу преподавания славистических дисциплин. Но осуществить свою мечту он не смог из-за отсутствия

¹⁴ ЛАПТЕВА, Л. П. *История славяноведения в России в XIX веке*. Москва: Индрик, 2005.

¹⁵ Он называется здесь „болгаристом“ чисто условно: такого направления в славистике тогда не существовало, и оснований делать Венелина его основоположником было бы научно некорректно. Видимо, более правильно считать его одним из первых публичных болгарофилов в России.

¹⁶ РАЙКОВ, Д. *Юрий Венелин и българското Възраждане*. София: НБКМ, 1994.

¹⁷ БАРСУКОВ, Н. *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Санкт–Петербург. Кн. 2, 1889, с. 379.

¹⁸ Полное название этой изданной в Москве венелинской книги: „Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам“.

защищенной диссертации по специальности и должной профессиональной подготовки в разрабатывавшихся им областях славистики.

Большинство написанных Ю. И. Венелиным работ не соответствовали уровню развития славистики того времени: опубликованные им сочинения получали отрицательную оценку ученых¹⁹, а значительная их часть по различным причинам так и осталась в рукописном виде на много десятков лет. Венелинская программа, например, увидела свет только в конце XIX в. после публикации ее П. А. Лавровым²⁰, а не получившая рекомендации Академии наук к печати венелинская „Грамматика“²¹ пылилась в архиве ученого более 120 лет, пока ее не издал известный современный исследователь Г. К. Венедиктов²².

Я не стану далее говорить о том огромном значении, которое труд Ю. И. Венелина „Древние и нынешние болгаре...“ имел для подъема этнического самосознания болгар в эпоху их Национального возрождения. Отмечу только, что этот ученый превратился для болгар в кумира, они возвели его на пьедестал и посвящали ему стихотворения и оды. В моем случае более уместно остановиться лишь на небольшом венелинском сочинении „О зародыше болгарской литературы“, поскольку оно являлось первой попыткой в российской славистике поднять вопрос о существовании тогдашней болгарской литературы как таковой. Эта работа была опубликована в 1838 г. незадолго до смерти ее автора, который успел высказать в ней ряд важных мыслей о состоянии современного литературного дела у болгар и перспективах его дальнейшего развития. Помещенные в сочинении материалы отличает некоторая непоследовательность и цикличность при их изложении автором, но это не мешает читателю постичь общий смысл нарисованной Венелиным картины. В самом начале своего рассказа ученый утверждает факт существования болгарского народа, который неизбежно станет носителем и создателем „нового“ литературного слова. Задунайские болгары, по его словам, никуда не исчезли. Они по-прежнему представляют собой крупный этнос численностью свыше 2, 5 млн. человек, из которых в самой Болгарии живут 750 тыс., в Македонии – более миллиона, во Фракии – более 600 тыс., в Цареграде – 20 тыс., в Бессарабии и Новороссии – 25 тыс., в Фессалии, Албании и южной части Ново-Пазарского пашалыка – около 100 тыс.²³

¹⁹ ЯГИЧ, В. *История славянской филологии*. Санкт-Петербург, 1910. [Репринт: Москва: Индрик, 2006.]

²⁰ ВЕНЕЛИН, Ю. И. *Конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще, составленный по определению Совета Московского университета от 2-го мая 1834 г. Рукопись Ю. И. Венелина и отзыв на нее П. А. Лаврова*, б. м., б. г.

²¹ Историю отзывов на нее см.: НИКУЛИНА М. В. Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики. – В: *Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении*. Москва, 1998, с. 138.

²² ВЕНЕЛИН, Ю. И. *Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина*. Публикация [и вступит. статья: с. V–XXII] подготовлена Г. К. Венедиктовым. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.

²³ ВЕНЕЛИН, Ю. И. *О зародыше новой болгарской литературы*. Москва: Типо-

По свидетельству Венелина, подавляющее большинство болгар не умеют ни читать, ни писать, и преодолеть среди них неграмотность трудно, потому что в Болгарии осталось мало болгарских священников, которые обычно и занимаются обучением детей. Это произошло в результате подпадания самостоятельной болгарской церкви под начало греков и введения в болгарских храмах богослужения на греческом языке. Его начали осуществлять греческие попы, подвергающие гонениям церковно-славянские книги. Венелин констатировал, что значительный урон грамотности и своему книжному наследию наносят и сами болгары, уничтожающие из-за ветхости рукописные книги на славянском языке. В стране, по его словам, ощущается острая нехватка школ и учителей, и поэтому болгарские крестьяне иногда нанимают вкладчину для своих детей „даскалов“ из числа своих соплеменников, получивших образование на чужбине. Такое происходит, однако, очень нерегулярно. Не лучше, по наблюдению Венелина, обстоит дело у болгар с детским образованием и за границей, где есть многочисленные болгарские диаспоры. Он сообщал, что даже в Бухаресте с его десяти-тысячной колонией болгарских купцов, торговцев и ремесленников имеется лишь одно болгарское училище, в котором обучается всего около полутора десятков мальчиков, причем на румынском языке²⁴.

Для создаваемых болгарских школ с преподаванием на родном языке, как пишет Венелин, необходимо иметь соответствующие учебники. В этой связи он упоминает так называемый „Рыбный букварь“ Петра Берона, изданный в Брашове на средства купца Антония Иоанновича в 1824 г.²⁵ Ученый называет этот букварь „первой книгой на новоболгарском языке“. Однако позднее слависты уточнили, что таковой книгой следует признать сборник воскресных проповедей „Недельник“ Софрония Врачанского 1806 г.²⁶ Из других учебников Венелин упоминает „Краткое начертание всемирной истории“ профессора Царскосельского лицея Ивана Кайданова. Она вышла в болгарском переводе в 1836 г. на средства купца Анастасия Стояновича²⁷. Но самыми важными учебниками в процессе обучения, по мысли Венелина, призваны служить грамматики болгарского языка, составлением которых занялись народные просветители болгар и ученые. Он сообщает об оставшейся в рукописи грамматике просветителя Василия Неновича, но добавляет,

графиня Н. Степанова, 1838, с. 7.

²⁴ Там же, с. 21–22.

²⁵ БЕРОН, П. *Буквар с различни поучения, собрани от Петра Х. Беровича за болгарските училища. Напечата ся сас помощта на г. Антоньова Иоановича в годе 1824.* (Болгары прозвали этот букварь „Рыбным“ за имеющиеся в нем изображения дельфина и кита.)

²⁶ Венелин, конечно, знал о существовании „Недельника“, но хронологическими вехами ему служили только „новые“ болгарские светские книги, а не сугубо церковнославянские.

²⁷ [КАЙДАНОВ, И.] *Кратко начертание на всеобщата история от Иван Кайданов.* Будиин, 1836.

что, в сущности, она является грамматикой церковнославянского языка. Более подробно он останавливается затем на грамматике, созданной для Габровской школы другим народным просветителем, Неофитом Рильским (1793–1881). Венелин характеризует ее как „неполную“, не раскрывая, правда, что здесь имеется в виду. При этом он полагает, что расширенное употребление членных форм в болгарском языке вызовет сокращение в нем количества флексий, и это затруднит развитие национального стихосложения.

Не преминул Венелин сообщить и о своей грамматике – плоде собственных шестилетних усилий, которую он предназначал не для школ, а для академической аудитории²⁸. При всем этом ученый не причисляет учебно-просветительские книги к грядущей „новой“ литературе. Не преувеличивает он и значение для нее болгарской средневековой литературной традиции. Не случайно, говоря о белградском издании жития и службы Иоанна Рильского, которое в 1836 г. осуществил уже упомянутый Неофит Рильский, он не проявляет к ним интерес, как к памятникам литературным. Наряду с учебниками, подобные издания, по разумению Венелина, могут выступать лишь предвестниками приближающегося рождения „новой“ болгарской литературы. И он прозорливо предсказывал, что оно произойдет не в самой Болгарии, а за ее пределами – там, где имеются многочисленные диаспоры болгар и существуют более благоприятные условия для получения ими образования и духовного развития: в Турции, Бухаресте, Галате, Брашове, Бессарабии, Одессе, Трансильвании и Пеште. Свою роль в сочинении Венелин сравнивает с ролью советника, который готов протянуть свою руку нарождающейся новой болгарской литературе как ребенку²⁹.

Вслед за Ю. И. Венелиным болгарского литературного развития коснулся и российский славист Виктор Иванович Григорович (1815–1876)³⁰. После окончания Харьковского университета в 1833 г. он продолжил свое университетское образование в Дерпте, где на протяжении четырех лет овладевал знаниями по европейской истории и философии с античных времен и до современности. Большой пиетет Григорович испытывал к немецкой классической философии и особенно к идеалистическому учению Гегеля, что позднее отразилось в некоторых его работах. В 1838 г. он получил предложение возглавить кафедру истории и литературы славян в Казанском университете и через несколько лет совершил трехлетнее научное путешествие в европейскую часть Османской Турции и ряд стран со славянским населением. На протяжении 1844–1847 гг. Григорович побывал в Болгарии, Македонии, Салониках, Константинополе, на Афоне, в Черногории, Сербии, Хорватии, Далмации, Венгрии, Словакии и Чехии. Он встречался в Рильском монастыре с Неофитом Рильским, в Вене – с Вуком Караджичем

²⁸ ВЕНЕЛИН, Ю. *О зародыше новой...*, с. 23–24.

²⁹ Там же, с. 50.

³⁰ БЕРНШТЕЙН, С. Б. Из истории русского славяноведения. Виктор Иванович Григорович. – В: *Известия отделения литературы и языка АН. Москва*, 1976, т. 35, вып. 6, с. 533–538.

и Францем Миклошичем, а в Праге – с Павлом Шафариком. Географически извилистым был и преподавательский путь Григоровича. Помимо Казанского университета, он обучал студентов в Московском (1849/1850), а затем в Одесском Новороссийском (1865–1876) университетах³¹.

В историю российской славистики В. И. Григорович вошел прежде всего как историк, этнограф, исследователь древнеславянской письменности и лингвист. Существует мнение, что как ученый он не добился особых успехов в науке³². Наиболее заметный след в славистике оставила собранная им во время научного путешествия по Болгарии и Македонии знаменитая коллекция славянских рукописей. Ее разрозненные части после смерти Григоровича оказались в Одессе (одесская научная библиотека им. А. М. Горького) и Москве (Румянцевский музей – ныне Российская государственная библиотека). История литературы славян находилась на периферии научных интересов ученого³³, тем не менее она составной частью входила в читавшийся студентам–славистам общий курс по истории и литературе славян. Поэтому и кандидатский экзамен В. И. Григоровича, и тема его магистерской диссертации были связаны с литературным творчеством славянских народов, т. е. с тем, что ему необходимо было освоить как лектору. Материалы экзамена („Краткое обозрение славянских литератур“) и текст магистерской диссертации Григоровича „Опыт изложения литературы словен в ее главнейших периодах“ были сразу же опубликованы и вынесены на суд научной общественности³⁴.

Здесь я чуть подробнее остановлюсь на второй из них, поскольку в ней более отчетливо выражены теоретические положения В. И. Григоровича, используемые им при подходе к материалам истории литературы славян и отведении им своего места в исследовании. Во введении к работе содержатся теоретические установки, которые мог бы разделить и современный литературовед. В. И. Григорович пишет, что „литература славян есть проявление в слове народного духа“ и служит „неизгладимым свидетельством важнейших моментов [...] нравственной жизни“. По его утверждению, она

³¹ КОЧУБИНСКИЙ, А. А. Виктор Иванович Григорович (1815–1876) в истории славяноведения. – В: *Записки Новороссийского университета*, т. 59, ч. 2. Одесса, 1893.

³² БЕРНШТЕЙН, С. Там же.

³³ [ПЕТРОВСКИЙ, Н. М.] Библиографический список печатных трудов Виктора Ивановича Григоровича. – В: *Известия отделения русского языка и словесности*, Санкт-Петербург, 1914, т. 19, кн. 3, с. 261–296; ПЕТРУНЬ, Ф. Е. К библиографии печатных трудов В. И. Григоровича. – В: *Отделение по русскому языку и словесности*. Ленинград: АН СССР, 1929, т. 2, кн. 1, с. 337–345.

³⁴ См.: ГРИГОРОВИЧ, В. И. Краткое обозрение славянских литератур. – В: *Ученые записки Казанского университета*. Казань: Университетская типография, 1841, кн. I, с. 93–153; Он же: Опыт изложения литературы словен в ее главнейших периодах. – В: *Ученые записки Казанского университета за 1842 г.* Казань: Университетская типография, 1843, кн. 3.

„не есть сбор фактов, список разнообразных предметов“, [...] „не есть сумма фактов, а скрижаль развивающегося в необходимой постепенности общего сознания и откровения с каждым моментом все более и более уясняющегося призвания целого народа“³⁵.

Однако при знакомстве с основным текстом работы становится ясно, что под „целым народом“ В. И. Григорович подразумевает не какой-либо отдельный славянский этнос, а всех славян вкуче. По его мысли, славяне представляют собой некое одно целое, являются носителем единого славянского языка (пусть и различающегося немного по своим „наречиям“) и призваны исполнить некую историческую миссию, уготованную им Божественным предопределением. В последней установке чувствуется увлеченность Григоровича учением Гегеля о самореализующейся Божественной Идее, приводящей в движение все видимое и невидимое в мире.

Исходя из этой установки, В. И. Григорович выстраивает единую периодизацию литературы славян эпохи Средневековья. По его мнению, в развитии древних славянских литератур могут быть выделены два основных периода: а) IX–X (или даже первая половина XI) вв. и б) середина XI – конец XIV столетия. В своем 110-страничном труде Григорович собственно болгарской теме отводит лишь несколько страниц. В первом разделе дается краткая справка об истории Болгарии на протяжении указанного отрезка исторического времени. В ней бегло упоминается о появлении болгар в Мизии, хане Круме и о крестившем Болгарию в 861 г. князе Борисе.³⁶ Говорится также о князе Симеоне (892–929)³⁷ и походе русского князя Святослава на Балканы, о византийском императоре Василии II Болгаробойце и падении страны под византийское иго в первых десятилетиях XI в. Господство византийцев, по свидетельству Григоровича, длилось около двух веков и привело к расцвету богомилства в болгарских землях. О втором периоде развития болгарской истории говорится, что тот продолжался с 1186 по 1396 г. (т.е. до окончательного завоевания Болгарии турками), после чего началось прозябание болгарской литературной деятельности, проявления которой сместились на север в Валахию и Молдавию.

Далее сведения о болгарских писателях и их произведениях встречаются в общем контексте сочинения весьма редко и, как правило, оказываются перемешенными с фактами из литературной жизни других славянских народов. Поэтому составить какое-либо четкое представление о поступательном движении болгарского литературного развития (эволюция отдельных жанров, тем произведений и смены эстетических доминант) не представляется возможным. Но это нельзя ставить В. И. Григоровичу в вину: слишком скудными были тогда сведения об известных науке болгарских литературных материалах. Кроме того, время жизни древних болгарских

³⁵ ГРИГОРОВИЧ, В. И. *Опыт изложения*, с. 7–9.

³⁶ Позднее общепринятой датой крещения Болгарии в науке стал считаться 865 г.

³⁷ По уточненным в науке данным, даты правления князя/царя Симеона: 893–927 гг.

книжников и создания многих болгарских литературных памятников вызывало среди ученых споры. Григоровичу было ясно, когда в Болгарии могли трудиться кирилло-мефодиевские ученики Климент, Наум, Ангеларий, Савва и Горазд (тогда считалось, что в конце жизни тот успел проявить себя как писатель и переводчик и в болгарских землях), но уже с последующим поколением болгарских книжников стали возникать сложности. П. Шафарик, например, считал, что Иоанн Экзарх жил в Болгарии в конце IX – начале X в., с чем не соглашались В. Копитар и русский ученый П. М. Строев, относя деятельность этого писателя и переводчика к XII столетию³⁸.

Второму периоду развития славянской словесности В. И. Григорович отводит почти половину из общего листажа³⁹. При его характеристике делается упор на разгуле в славянском мире различных ересей, и конкретно в Болгарии – богомилства. Из интересных новых историко-культурных фактов можно отметить упоминание ученым названий двух древнейших болгарских монастырей X в.: Рильского и афонского Зографского⁴⁰. Но об их роли в культурной жизни болгар далее ничего не говорится. Сюда же можно отнести и предположение Григоровича о существовании у болгар в тот период собственных летописей, которое он подкрепляет отсылкой к сведениям из письма болгарского царя Калояна (конец XII – начало XIII в.) папе Римскому. Из приведенного выше можно сделать вывод, что данная работа В. И. Григоровича, если расценить ее с точки зрения степени информативности о литературной жизни болгар с конца IX по конец XIV в. включительно, является крайне бедной и страдает от исторического флюса. Это еще раз подтверждает вывод о том, что болгарская литература не занимала большого места в сфере его научных интересов.

Затронул историю развития болгарской литературы и знаменитый российский славист Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). Он являлся сыном ярославского преподавателя, окончил философский факультет Харьковского университета, увлекся собиранием народных дум и преданий о Запорожской Сечи и получил предложение заняться историей и литературой славян. С целью расширения знаний о южных и западных славянах Срезневский был отправлен в научное путешествие, продолжавшееся около трех лет (1839–1842). Он побывал в Берлине, Праге (где он занимался с П. Й. Шафариком), Вене, Загребе, словенских землях, Далмации, Черногории, Сербии, Словакии и Галиции. По возвращении на родину Срезневский начал читать курс на филологическом факультете Харьковского университета под названием „Энциклопедия введения в славяноведение“, который пользовался большим успехом у студентов. Среди многих опубликованных тогда Срезневским научных статей находится и небольшой „Очерк книго-

³⁸ ГРИГОРОВИЧ, В. И. *Опыт изложения*, с. 54.

³⁹ Там же, с. 65–101.

⁴⁰ СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. *Очерк книгопечатания в Болгарии*. Санкт-Петербург, б. и, 1846.

печатания в Болгарии⁴¹. В отличие от упомянутого выше сочинения В. И. Григоровича, речь в указанном очерке идет не о болгарском литературном средневековье, а о современной Болгарии. В этом отношении он более близок к рассмотренной мной статье Ю. И. Венелина.

Содержание очерка представляет собой перечень книг, изданных болгарскими в соседних странах с 1806 по 1845 г.⁴² и предназначенных главным образом для нужд болгарского народного просвещения. Присутствуют в нем и несколько заглавий переведенных на болгарский язык произведений русской и западноевропейской художественной литературы, но они погоды не делают. Перечень открывают изданные в 1806 г. сборник утренних и вечерних молитв под названием „Молитвенный крин“ (Буда) и „Недельник“ Софрония Врачанского (Рымник). В „Недельнике“ И. И. Срезневского интересует, прежде всего, язык софрониевских переводов: ученый обнаружил в них крайне редкое использование переводчиком характерных для болгарского языка членных форм. Еще большее внимание ученого привлек опубликованный в 1840 г. в Смирне перевод на болгарский язык „Нового Завета“, выполненный иеромонахом Неофитом Рильским по заказу Американского Библейского общества. Этот перевод вызвал критические замечания, как сторонников употребления живого народного языка, так и радетелей „очищения“ болгарского „наречия“ посредством старославянских и русских языковых форм. Срезневский встал на защиту Неофита Рильского, утверждая, что „с какой бы, впрочем, стороны ни смотреть на перевод „Нового Завета“ Неофита Рильского, книга эта есть лучшее из всего, что было до сих пор издано на болгарском наречии“.⁴³ Наряду с этой книгой Неофита Рильского, ученый упоминает и другое издание просветителя, напечатанное четырьмя годами ранее в Белграде: „Служба и житие Иоанна Рильскаго“. Правда, при этом Срезневский не характеризует ни язык этой публикации, ни авторство данных произведений болгарской гимнографии и агиографии. По всей видимости, их тексты оставались для русского ученого недоступными.

В перечне преимущественно болгарских переводных учебников по истории, математике, географии и прочим школьным дисциплинам присутствуют сведения и о болгарских переводных и оригинальных литературных произведениях. Переводная болгарская художественная литература представлена в нем дважды переведенной на болгарский язык в 1844 г. драмой „Велизарий“ К. Х. Траудцшена. Болгарские переводчики Анастас Стоянович и Захари Симеонов опубликовали свои переводы почти одновременно в Лейпциге и Цареграде, и этот факт вызвал недоумение И. И. Срезневского, вопрошавшего себя о том, для чего болгарам нужно было два раза переводить эту устаревшую пьесу немецкого писателя. Такое же недоумение вызвал у него и изданный в 1843 г. в Кишиневе анонимный перевод на болгарский

⁴¹ Там же, с. 72.

⁴² Это показывает стремление И. И. Срезневского учесть все издания вплоть до новейших.

⁴³ СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. Там же, с. 19.

язык одноактного водевиля „Дворянские выборы“. Удивляться здесь действительно было чему: уж слишком далеко от болгарских реалий отстояли изображавшиеся в водевиле комичные декоры российской общественной жизни. Видимо, поэтому И. И. Срезневский сопроводил сведение о болгарском переводе этого произведения следующей ремаркой: „Странное явление!“⁴⁴. А издание в 1844 г. в Смирне первого болгарского журнала „Любословие“ ученый прокомментировал словами о том, что у российских читателей больше любопытства вызвали бы факты о самой Болгарии, а не о жизни других стран и народов, которой болгары интересуются.

Из современных ему болгарских светских авторов И. И. Срезневский упоминает в своем очерке только о двух: Василе Априлове и воспитаннике Московского университета, болгарине Найдене Герове (1800–1870). Первый из них в 1841 г. опубликовал в Одессе историко-публицистическую статью „Болгарские книжицы или на кое Словенско племе собственно принадлежит славянская кирилловская азбука?“. В ней он оспаривал точку зрения сербского филолога Д. В. Тирола о сербской основе первой славянской азбуки и доказывал болгарское происхождение славянских просветителей, братьев Кирилла и Мефодия. Упоминание о втором болгарском авторе, Н. Герове, было связано с публикацией им в 1845 г. в Одессе небольшой поэмы „Стоян и Рада“. Срезневский остался невысокого мнения об этом одном из первых художественных произведений нарождавшейся „новой“ болгарской литературы. Он пренебрежительно называет её „поэмкой“, написанной тоническими стихами, с сюжетом, заимствованным из народных песен. И добавляет, что лучше бы было публиковать тексты самих этих песен, которыми так богаты болгары. А чуть далее, словно извиняясь, Срезневский выражает надежду, что у болгар обязательно появятся свои даровитые поэты, основанием для чего служит наличие у них ревнителей просвещения и превосходно образованной молодежи, учившейся в России и за границей. И завершает Срезневский свой очерк самым оптимистичным прогнозом о том, что в общем славянском Возрождении „Болгары готовы также занять место, их ожидающее“.⁴⁴

В конце 40–х годов XIX в. в Европе произошел прорыв в истории научных представлений о развитии болгарской литературы в древнейший период. Его вызвало появление блестящей обобщающей статьи П. Й. Шафарика „Расцвет славянской письменности в Булгарии“⁴⁵. Прекрасно отдавая себе отчет о болгарской лакуне, возникшей у него в 1826 г. при создании „Обзора“, ученый явно считал ее устранение своим моральным долгом. В появлении данной статьи Шафарика большую роль сыграл В. И. Григорович, совершавший свое научное путешествие по Балканам и славянским странам. Предприняв разыскания в рукописных хранилищах Болгарии,

⁴⁴ СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. *Очерк книгопечатания*, с. 27–28.

⁴⁵ ШАФАРИК, П. Й. *Расцвет славянской письменности в Булгарии*. Пер. с чешского О. М. Бодянского. – В: *Чтения в обществе истории и древностей российских*. Москва, 1847, кн. 2, с. 37–59.

Македонии, Афона и Рильского монастыря, русский ученый незадолго до окончания своего путешествия посетил Прагу и прожил в ней около пяти месяцев. Он сумел установить тесный контакт с П. Й. Шафариком⁴⁶ и щедро делился с ним добытыми на славянском юге новыми научными данными. Они нашли свое отражение в лекции, прочитанной П. Й. Шафариком 25 ноября 1847 г. в Королевском Чешском ученом обществе и, как уже отмечалось, почти сразу же переведенной и изданной на русском языке.

В своей лекции Шафарик касался лишь древних кириллических памятников, памятуя о том, что в отличие от кириллицы, глаголица не утвердилась в Болгарии в качестве системы славянского письма. Ученый полагал, что славянский первоучитель Мефодий в 861 или 862 г. побывал в болгарских землях и склонил к христианству болгарского князя Бориса I (652–889). Большую роль в распространении веры Христовой в Болгарии, по его словам, сыграли ученики Кирилла и Мефодия, особенно те, кто были канонизированы как „седмочисленники“⁴⁷. Ими являлись Климент, Наум и Ангеларий, бежавшие в 886 г. из Великой Моравии из-за гонений немецко-латинского духовенства и радушно принятые болгарским князем Борисом. На новой родине они развили активную книжную деятельность. Вначале они обрели кров в болгарской столице Плиске: Климент и Наум в доме боярина Эсхача, а Ангеларий у боярина Чеслава. Затем князь Борис отправил их утверждать имя Христово в Кутмичевицу: историческую область, находившуюся, по словам Шафарика, между Вардаром и Скопье до Валои, Костура и Водена. Ею правил наместник Домета, а во главе церкви там был поставлен Климент, власть которого распространялась на Охрид, Девол и Главиницу. Отправлен был в Македонию и другой кирилло-мефодиевский ученик по имени Горазд, поскольку его мощи, согласно В. И. Григоровичу, покоились близ албанского Белграда (Арнаут–Берат).

Большинство этих и других сведений Григорович (а вслед за ним и Шафарик) почерпнул из двух греческих житий – пространного и краткого – Климента Охридского, написанных византийскими писателями: архиепископом XI–XII в. Феофилактом Охридским и жившим в XII–XIII в. Димитром Хоматианом. Из этих произведений следовало, что Климент Охридский подготовил 3500 учеников: чтецов, иподьяконов, дьяконов и священников и основал монастырь во имя св. великомученика Пантелеймона. Его радением был возведен большой архиепископский храм и два поменьше. По данным упомянутых житий, в Болгарии учредили семь епископий, и первую из них в 893 г. возглавил епископ Климент. Он почил в Бозе 27 июля 916 г. и до своей кончины создал множество частично переведенных и частично принадлежащих его собственному перу сочинений: похвальные

⁴⁶ ЛАПТЕВА, Л. П. Связи В. И. Григоровича с П. Й. Шафариком (по данным переписки). – В: *Studia Bohemica: К 70-летию С. В. Никольского*. Москва, 1992, с. 73–83.

⁴⁷ Так стали называть позднее канонизированных церковью в качестве святых славянских первоучителей Кирилла, Мефодия и их учеников Климента, Савву, Наума, Горазда и Ангелария.

слова на все праздники года, жития прославленных подвижников христианской церкви, части Цветной Триоди от Пасхи до Пятидесятницы. Что же касается Триоди Постной, то она, как отмечает Шафарик, была переведена ранее каким-то неизвестным книжником. В ряду авторских произведений Климента Охридского находится Похвала Клименту Римскому, чьи мощи были открыты в Таврии, и Похвала Кириллу и Мефодию – произведение, список которого имеется в Москве. Кроме того, ученый упоминает о пространном житии первоучителя Кирилла, обнаруженном В. И. Григоровичем в Рильском монастыре⁴⁸.

Остановился П. Й. Шафарик и на деятельности кирилло-мефодиевского ученика Наума. Тот также переместился в Кутмичевицу – местность между Охридом и Деволом, и обосновался в монастыре, где ныне почитают его мощи. Ему посвящена служба на греческом языке, совершаемая ежегодно в день памяти святого 20 июля. Ее текст, по словам Шафарика, помещен в греческом Мосхополусском издании 1741 г. Что же касается Ангелария, то об этом святом, по свидетельству ученого, отсутствуют отдельные письменные памятники – упоминания о нем имеются лишь в общей греческой службе „седмочисленникам“.

В следующем затем разделе ученый сосредоточил свое внимание на учениках „седмочисленников“ и их последователях. В нем центральное место он отвел епископу Константину Преславскому и Иоанну Экзарху Болгарскому. Первый из них по распоряжению царя Симеона (893–927)⁴⁹ в 906 г. перевел четыре слова против ариан Афанасия Александрийского, а второй – „Шестоднев“ Василия Великого и Севериана Гевальского, богословские сочинения „Небеса“ и „Диалектику“ Иоанна Дамаскина, а также начало его „Грамматик“. Кроме того, Иоанну Экзарху принадлежал перевод нескольких слов на различные христианские праздники. Константин Преславский, по свидетельству ученого, является также автором „Азбучной молитвы“, предвещающей его перевод „Учительного Евангелия“. При этом Шафарик предупреждает читателей об опасности перепутать этого книжника с тезоименитым писателем Константином Костенецким (или Костенским). Второй из них, по словам Шафарика, жил в конце XIV – первой трети XV столетия и создал „Сказание о письменах“ и житие сербского деспота Стефана Лазаревича, умершего в 1427 г.⁵⁰ В этом же подразделе ученый называет имя и другого болгарского книжника IX–X в.: Григория пресвитера. Этот иерарх по распоряжению царя Симеона перевел с греческого на славянский язык краткую Гражданственную и Царственную хронику с рассказом о разорении Трои из хроники Иоанна Малалы.

⁴⁸ ШАФАРИК, П. Й. *Расцвет славянской*, с. 9.

⁴⁹ В данном месте ученый приводит еще не утвердившиеся тогда в науке годы правления Симеона: 888–927. Позднее было установлено, что правлению Симеона предшествовало нахождение у власти его брата Владимира Расате (889–893) – старшего сына Бориса I, свернутого и ослепленного своим отцом за попытку возврата к язычеству.

⁵⁰ Там же, с. 15.

Упоминается им в этом ряду книжников и имя Тудора Доксова (или Дукса), о котором известно, что он побуждал Иоанна Экзарха к переводу книг с греческого языка на славянский. В отличие от него, другой болгарский книжник X в. по имени Черноризец Храбр оставил о себе творческий след в истории благодаря своему полемическому трактату „О письменах“, в котором отстаивались достоинства славянской азбуки, созданной первоучителем Кириллом. Этот трактат попал затем в виленские старопечатные издания Катехизиса 1570 и 1588 г. и перепечатывался снова в 1621, 1637, 1770, 1781 и 1791 годах. По свидетельству Шафарика, текст произведения недавно издал в своем труде и К. Ф. Калайдович. Кроме тех писателей и книжников, имена которых ныне известны науке, в Болгарии конца IX–X в. трудилась масса анонимных книжников, не дерзавших ставить свои имена в создаваемых и переводимых ими произведениях. Именно им, по свидетельству ученого, принадлежит заслуга перевода на славянский язык с греческого Общей миней⁵¹, Стихирая, Псалтыри с толкованиями Афанасия Александрийского, Феодорита Киррского, Оригена и другие переводы творений св. отцов. Благодаря их кропотливому труду появились на свет такие замечательные компендиумы из переводных греко-византийских произведений, как „Изборник Симеонов 1073 г.“, „Златоструй“ и другие известные переводные сборники.

Наряду с создававшимся корпусом переводных и оригинальных произведений официальной церковной и придворной литературы, в Болгарии того времени появлялась литература и другого рода. Шафарик пишет о многочисленных переводах отреченных или „ложных“ книг, типа „Астролог“, („Мартолой“, „Фартолог“), „Сонник“ („Царевы сновидцы“), „Чаровник“, „Громник“, „Молния“, „Коледник“, „Масленик“, „Волховник“, „Путник“, „Звездочётец“ и др. Значительное место среди распространившихся в Болгарии ересей, по словам ученого, занимало учение богомилов, которые в разных странах назывались по-разному: бабуны, патарены, манихеи, массалиане, павликяне. В болгарских землях вожаками еретических общин являлись попы Богомил и Иеремия. Шафарик также сообщал о наличии в Болгарии апокрифических Евангелий, Посланий, Откровения Иоаннова или вопросов и ответов Господу нашему Иисусу Христу, которое было распространено на Западе епископом Назарием и издано затем на латинском языке в Венеции в 1522 г.

Период расцвета славянской книжности в Болгарии того времени Шафарик охарактеризовал как „золотой век“ царя Симеона и выразил уверенность, что известное до сих пор славистам древнеболгарское письменное наследие представляет собой лишь верхушку айсберга, пока еще скрытого от их взгляда. „Можно заключать – писал он, – какая жатва ожидает славянских филологов, если будет издано в свет больше еще этих памятников, так же исправно и верно, как это сделано уже с некоторыми“.⁵²

⁵¹ Здесь имелись в виду сборники с образцами служб для различных разрядов святых: мучеников, апостолов, анахоретов и т. д.

⁵² Там же, с. 23.

Накопленные наукой данные о болгарской литературе со временем неизбежно должны были вылиться в попытку создания истории ее развития. Усилия в этом направлении инициировал перевод на русский язык в 1863 г. труда немецкого ученого Иоганна Шерра (1817–1886) „Allgemeine Geschichte der Literatur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart“. Он вышел в Санкт-Петербурге под названием „Всеобщая история литератур И. Шерра“ и был высоко оценен российской общественностью. В анонимном обзоре, опубликованном в том же году в № 11 журнала „Отечественные записки“, писалось, что главное предназначение этой книги заключается в использовании ее для преподавания, поскольку она является „самым толковым и мастерским учебником по своей части“. Но, несмотря на явные достоинства, в этом издании имелись и значительные изъяны. Редактировавший перевод проф. Александр Николаевич Пыпин (1833–1904), будущий академик, вице-президент АН и автор свыше 1150 научных работ⁵³ обратил внимание на то, что раздел о славянских литературах в труде Шерра крайне лаконичен. Материалы о них были помещены в последней главе и занимали всего 22 страницы из 556. Пыпин и Спасович сумели с блеском устранить этот научный пробел, издав через два года в Санкт-Петербурге 530-страничный „Обзор истории славянских литератур“⁵⁴.

Его создание было огромным шагом вперед в развитии тогдашней славистики. Благодаря этому труду славянским литературам впервые было определено место в общеевропейском литературном процессе, а российские университетские кафедры мировой литературы и кафедры славистические получили столь необходимый для них учебник. Выход „Обзора“ одобрило большинство критиков. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович получили за него Уваровскую премию⁵⁵. В России она считалась очень престижной. В 50-е – 60-е годы XIX в. ее лауреатами стали многие известные ученые: Д. А. Ровинский (за труд „История школ русского иконописания до конца XVII в.“, 1858), И. Е. Забелин (за сочинение „Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях“, 1863), П. А. Лавровский (за работу „Кирилл и Мефодий, как проповедники у западных Славян“, 1864) и др.

В предисловии к „Обзору“ А. Н. Пыпин писал, что славянские народы за редким исключением к тому времени еще не успели сказать свое веское слово в развитии европейской цивилизации из-за отсутствия для этого благопри-

⁵³ БАРСКИЙ, Я. Л. *Список трудов акад. А. Н. Пыпина. 1853–1903*. Санкт-Петербург, 1903; *Материалы для биографического словаря действительного члена Императорской Академии наук А. Н. Пыпина*. Ч. 2. Петроград: Рос. АН, 1917.

⁵⁴ Далее при цитировании болгарского раздела А. Н. Пыпина в этом издании, приводим сноски в сокращенном виде: ПЫПИН, А. Н. *Обзор*, с.

⁵⁵ Эта премия была учреждена 1856 г. в честь графа С. С. Уварова – президента Императорской Российской Академии наук с 1818 по 1855 г., и присуждалась за выдающиеся труды по русской и славянской истории, а также драматургии. Этой премии, в частности, дважды удостоивался за свои пьесы драматург А. Н. Островский.

ятных исторических условий. Особое место в этом процессе в древнейший период он отводил Болгарии, подчеркивая ее крайне важную роль в распространении в русских землях христианства и византийской образованности. В первую очередь, это касалось литературно–книжного языка, в происхождении которого ученый не сомневался. По его констатации, язык первого славянского перевода Св. Писания „был народным языком славян болгарских“ и „историческое значение этого перевода заключается в том, что болгарский язык в первый раз приобрел в нем литературную обработку“. Наряду с этим в предисловии отмечалось, что благодаря близости в то время славянских наречий, язык болгарский „был легко доступен другим славянским племенам и стал общим церковным языком православного славянства“.⁵⁶ А наличие у двух народов общей христианско–византийской веры вело к осознанию ими своего племенного родства. Именно поэтому, по мысли А. Н. Пыпина, то, что распространялось из Болгарии на Русь, воспринималось как приходящее „из одной части одного и того же племени в другую его часть“ и по этой причине „русские приняли болгарское письмо и болгарские книги, как „свои““.⁵⁷

Открывающий „Обзор истории славянских литератур“ болгарский раздел насчитывает 40 печатных страниц (§1, с. 50–90). Изложение в нем материалов о болгарском литературном развитии предваряется объяснением причин относительной скудности наличных болгарских литературных памятников. Эти причины заключались в исторических бедствиях болгарского народа, в разрушительном османском завоевании их родной земли, в культурном одичании болгар под многовековым иноземным игом, в гибели большей части болгарского рукописного наследия и фактическим прерывании болгарской литературной традиции. По словам А. Н. Пыпина, ныне в эпоху всеобщего оживления славянства у болгар „также обнаруживаются признаки жизни, но слабее, чем у кого бы то ни было других славян“, и болгарский народ в силу веских исторических причин сегодня является наименее развитым в духовном отношении славянским народом. В дальнейшем Пыпин, словно уравнивая сказанное, напоминает читателю о том, что именно в Болгарии появился первый славянский царь и был возведен на престол первый славянский патриарх. Усиливает эту интенцию автора и содержание подраздела о литературе Первого Болгарского царства.

В этом подразделе представлены практически все наиболее яркие болгарские книжники IX–X вв., литературная деятельность, которых позднее позволила ученым вслед за П. Й. Шафариком называть эту эпоху „золотым веком“ болгарской книжности. Здесь были упомянуты практически все известные тогда имена и главные литературные сочинения творивших в Болгарии учеников Кирилла и Мефодия и писателей следующего за ними поколения: Климента Охридского, Константина Преславского, пресвитера Григория, Черноризца Храбра и пресвитера Козьмы. Чувствуется, что А. Н.

⁵⁶ ПЫПИН, А. Н. *Обзор*, с. 34.

⁵⁷ Там же, с. 28.

Пыпин успел проникнуться тем восторгом, который испытывали при соприкосновении с болгарскими литературными памятниками первооткрыватели славянских древностей К. Ф. Калайдович, П. Й. Шафарик, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, воспринимавшие их как некую „славянскую античность“, внезапно открывшуюся перед их изумленным взором.

Однако затем благоприятное впечатление у читателя несколько развевается, потому что о болгарской литературе эпохи византийского владычества XI–XII вв. у Пыпина не сказано ни слова. А наступившая после избавления от византийцев эпоха Второго Болгарского царства и появившаяся тогда болгарская литература (она являлась пиком национального литературного развития периода Средневековья) охарактеризована автором крайне бегло и невыразительно. Он лишь вскользь упоминает о творившем в XIV столетии патриархе Евфимии Тырновском, говоря о том, что тот явился создателем нескольких житий и посланий, но они еще не изданы. Такая же картина наблюдается и в отношении евфимиевского ученика Григория Цамблака: никаких подробностей о его литературном творчестве в болгарском разделе не приводится. Среднеболгарский период болгарского литературного развития А. Н. Пыпин называет „в основном церковно-догматическим, легендарным и историческим в византийском строго сохранившемся смысле“⁵⁸, не раскрывая при этом содержания предлагаемых им характеристик.

Следуя далее жанровому принципу изложения материалов, А. Н. Пыпин не пытается озаботиться хронологией появления переводных византийских памятников в контексте болгарской литературы – для него важнее то, что они были переведены в Болгарии, влившись затем в рукописные традиции сербов и русских. Ученый уверен в болгарском авторстве переводов на славянский язык огромного количества византийских памятников. В их число, по его словам, входят „Александрия“, „Троянская притча“, Хроника Иоанна Малалы, „Повесть о премудром Акире“, „Девгениево деяние“, „Повесть о Соломоне и Китоврасе“, „Повесть о Варлааме и Иоасафе“ и многие другие. По наблюдению А. Н. Пыпина, благодаря таким переводам (а также общей вере и общему литературно-книжному языку) болгарская литература, переходившая в Сербию и на Русь, приобрела особое значение. Она служила сербам и русским „источником, из которого они брали и готовое содержание, и готовые образцы для собственной литературной деятельности“⁵⁹.

Являясь одним из лучших знатоков русской рукописной апокрифической традиции⁶⁰, А. Н. Пыпин, естественно, уделил значительное внимание болгарской „отреченной“ литературе. Он перечисляет практически все

⁵⁸ Там же, с. 56.

⁵⁹ Там же, с. 57.

⁶⁰ Напомним здесь, что ученый являлся автором такого классического труда по русской апокрифической литературе, как: ПЫПИН, А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины. – В: *Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Безбородко*, вып. III. Санкт-Петербург, 1862.

апокрифические болгарские памятники, представленные в статье П. Й. Шафарика о расцвете болгарской письменности в Болгарии, и добавляет от себя несколько новых. Среди „отреченных“ произведений им были упомянуты и те, в которых прямо или косвенно проявились воззрения еретиков богомилов и их последователей. Таковыми произведениями он считает „Тайную книгу богомилов“, апокриф о Христе–землепашце, легенду о святой Троице, апокриф о том, как Иисуса звали в попы, и легенду о крестном древе пресвитера Иереми⁶¹. А. Н. Пыпин отмечает широкое распространение богомильства на Балканах и в Европе. По его словам, „болгарские басни“ бытовали не только в родных землях, но и в Боснии, Далмации, Италии, Южной Франции и других странах. А в связи с противодействием этой ереси со стороны официальной церкви он не забывает упомянуть и о „Беседе против богомилов“ болгарского пресвитера Козмы – произведении, которое к тому времени издал словенский просветитель И. Кукулевич-Сакцинский⁶².

Перескочив через много веков развития литературы у болгар, ученый затем сразу приступает к рассказу о появлении „новой“ болгарской литературы. Она, его словам, возникает в первых десятилетиях XIX в. в условиях двойного гнета болгар в своих родных землях. В экономическом плане их давят османы, а в духовном – греки-фанариоты,⁶³ препятствующие возрождению болгарской национальной церкви. Вокруг этого, по свидетельству А. Н. Пыпина, ведется непримиримая борьба в издающейся за границей болгарской прессе. Причем раздорами среди православных стремятся воспользоваться униаты и католики с целью вовлечения болгар в лоно своих церквей. Печатным органом лагеря болгарских католиков, по словам ученого, является константинопольский журнал „Болгария“, издаваемый под влиянием иезуитов Драганом Цанковым, а противовесом ему служил печатавшийся с 1858 г. „Цареградский вестник“ – издание с православной ориентацией, недавно закрытое из-за недостатка средств. Из других важных болгарских печатных периодических изданий 40–60-х годов XIX в. А. Н. Пыпин упоминает журналы „Забавник“ Константина Огняновича (1845)⁶⁴, „Любословие“ Константина Фотинова (1844) и издававшийся в Москве болгарскими студентами журнал „Братский труд“ (1861–1862).

⁶¹ ПЫПИН, А. Н. *Обзор*, с. 72–75.

⁶² CUKULJEVIĆ–SAKCINSKI, I. *Prezvitara Kozmy Slovo o bogomilich i eretich.* – In: *Arkiv za poviesticu jugoslavenskich*, 4, 1857, s. 69–97.

⁶³ Так называли проводников эллинизаторской политики по отношению к балканским народам, разработанной высшим греческим духовенством, которое было сконцентрировано в константинопольском квартале Фанар.

⁶⁴ Пыпин не касается содержания журналов, хотя оно отражало меняющиеся вкусы читающей болгарской публики. Два выпуска журнала „Забавник“ (Париж, 1845, 1846), в частности, свидетельствовали о постепенном усилении светского начала по сравнению с религиозным. См.: ЛЕКОВ, Д. *Литература, общество, культура. Литературно-социологически и литературно-исторически проблеми на българското Възраждане*. София: Народна просвета, 1982, с. 31, 77.

Основное место в этом подразделе занимают данные уже известные читателю из рассмотренных нами предыдущих публикаций Ю. И. Венелина и И. И. Срезневского: ученый перечисляет издания „Молитвенный крин“ (1806), „Рыбный букварь“ (1824) Петра Берона и прочее, что уже фигурировало в тексте моей статьи. Новыми сведениями можно считать переводы болгарскими произведений А. Ф. Вельтмана (правда, без уточнения, каких именно), в том числе и переводы болгарского эмигранта Р. Жинзифова, переложившего на болгарский язык „Слово о полку Игореве“ и несколько стихотворений из „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко. В качестве примера попыток болгар создать самостоятельную литературу Пыпин приводит поэму Н. Герова „Стоян и Рада“, о которой за двадцать лет до этого писал И. И. Срезневский.

В последней, третьей по счету, части болгарского раздела „Обзора“ речь идет о фольклоре болгар – тема, выходящая за рамки моей статьи. Отмечу лишь то, что введение в науку болгарских фольклорных материалов происходило тогда гораздо быстрее и энергичнее, чем материалов литературных. Это объяснялось существенной разницей в работе фольклористов и ученых археографов. Первые могли быстро публиковать целые сборники фольклорных материалов⁶⁵, собранных ими во время экспедиций. А вторые месяцами, годами и десятками лет выискивали болгарские литературные памятники в составе объемных сборников из неописанных рукописных собраний. Вслед за находками они иногда еще более продолжительное время пытались разгадать трудные загадки о национальной принадлежности анонимных писателей и переводчиков эпохи славянского православного Средневековья. Споры о том, был ли тот или иной анонимный славянский книжник болгарин, русским или сербом, подчас продолжаются и поныне.

Таково в целом содержание болгарского раздела А. Н. Пыпина в „Обзоре“. Читатель имеет теперь о нем полное представление, и ради этого мне пришлось прибегнуть к элементам некоторого пересказа. Но благодаря ему для внешнего взора становятся ясными как достоинства данной работы Пыпина, так и ее недостатки. К числу первых относится введение болгарской и других славянских литератур в контекст общеевропейского литературного развития. Можно отметить также стилистическое мастерство автора при изложении литературных материалов и его стремление к их максимальному учету. При написании истории литературы того или народа ученый становится своего рода художником. Его работа напоминает создание картины из множества „пазлов“ с разрозненными фрагментами. Они

⁶⁵ Отметим, что в качестве ложного контраргумента, здесь можно сослаться на жалобы Ю. И. Венелина, сообщавшего В. Априлову, что за два месяца своего пребывания в Кишиневе ему удалось записать всего одну болгарскую народную песню из-за недоверчивости болгар и их отказов в содействии. См.: РАЙКОВ, Д. *Юрий Венелин и българското Възраждане*. София: НБКМ, 1994, с. 130. На мой взгляд, причины неуспеха Венелина крылись в его не очень хорошем знании болгарского языка и неумении сделаться „своим“ для потенциальных комитентов.

должны находиться в пределах досягаемости „художника“ и использованы им все без исключения. В противном случае получившаяся в итоге картина окажется достаточно смазанной и непонятной в отдельных ее частях. То, что в итоге появилось у А. Н. Пыпина в 1865 г. в отношении болгарской литературы, напоминает перевернутое коромысло, на двух концах которого расположены периоды IX–XI и XIX вв., а в середине – хронологический провал с XII по XVIII столетие. Попытаемся объяснить причины его возникновения и охарактеризовать каждую из них.

Причины хронологического провала в целом распадаются на три категории: а) „нечего“; б) вне пределов досягаемости; в) недоучет. Ученому, действительно, нечего было сказать в отношении литературного развития болгар XII–XV вв., потому что к этим столетиям и авторам ученые только подступали. Болгарский эмигрант Сп. Н. Палаузов, например, в 60–70-е годы XIX в. сообщал в письмах российским ученым А. Е. Викторову и архимандриту Леониду (Кавелину)⁶⁶ о своем намерении заняться произведениями болгарских писателей XIV в.: патриарха Евфимия Тырновского и Иоасафа митрополита Видинского (Бдинского). В год выпуска А. Н. Пыпиным своего „Обзора“ будущему профессору Петербургского университета и крупнейшему российскому исследователю творчества патриарха Евфимия и его эпохи, Полихронию Агапиевичу Сырку (1855–1905) исполнилось всего 10 лет. Он был сыном крестьянина из Бессарабии и учился тогда в Киприановском монастыре. Евфимиевской темой Сырку займется только в конце 70–х годов XIX в., а итоги его археографических разысканий в Болгарии⁶⁷ в этой области будут опубликованы ближе к концу столетия⁶⁸.

То же самое относится и к XVII – первой половине XVIII в., эпохе доминирования в болгарской рукописной традиции так называемых „дамаскинов“. В их основе лежал переведенный на болгарский язык сборник проповедей греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита, который трансформировался затем в сборники смешанного содержания. В них стали включать произведения, принадлежащие не только упомянутому греческому писателю, но и других авторов. Российские слависты обратили на них свое внимание только в конце XIX в., интересуюсь главным образом особен-

⁶⁶ КРУТОВА, М. Переписка болгар Палаузовых с выдающимися деятелями русской книжной культуры 30-х–70-х годов XIX в. (на материале ОР РГБ). – В: *Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI–XXI век). Международна научна конференция. 21–22 ноември. София, 2019.* София: ИЦ „Боян Пенев“, 2020, с. 210–211.

⁶⁷ [СЫРКУ, П. А.]. *К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Исследование П. А. Сырку. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. Тексты собраны П. А. Сырку.* Санкт-Петербург: Типография АН, 1890.

⁶⁸ [СЫРКУ, П. А.]. *К истории исправления книг в Болгарии XIV в. Исследование П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского.* Санкт-Петербург: Типография АН, 1898.

ностями эволюции в них болгарского народного языка и путями распространения этого вида сборников на Балканах⁶⁹.

Самый значительный памятник болгарской литературы середины XVIII в. – завершенная в 1762 г. афонским монахом Паисием Хилендарским „История славяноболгарская“. Она представляла собой манифест болгарского Национального возрождения, в котором ее автор ставил перед родным народом три главные цели: возрождение национального государства и национальной церкви плюс развитие национального просвещения посредством создания сети светских школ с преподаванием на болгарском языке. Из-за отсутствия типографий в болгарских землях „История славяноболгарская“ распространялась рукописным способом, но уже в 1844 г. пространные извлечения из нее издал в Буде под названием „Царственник“ болгарский просветитель Христати Павлович (1804–1846). Он был рильским монахом, занимался учительством в дунайском городе Свиштове, написал множество учебников и сумел преобразовать местную славяно-эллиническую школу в славяно-болгарскую. Но А. Н. Пыпину находившийся вне пределов его досягаемости „Царственник“, видимо, остался неизвестным. Тем не менее ученый не мог не знать о существовании Паисиевской истории, как таковой. На титульном листе опубликованного в 1863 г. Р. Жинзифовым „Новоболгарского сборника“ своеобразным эпиграфом на болгарском языке красовалось знаменитое Паисиевское изречение „О, неразумный, юродивый! Почто срамишься называться болгариним и не читаешь на болгарском языке, и не говоришь на нем?“ с указанием источника: „История славяноболгарская, 1762“. Вопрос заключался в том, в какой степени А. Н. Пыпин был готов отнести это сочинение Паисия к разряду литературных произведений. То же самое касается и изданного Сп. Н. Палаузовым болгарского церковно-юридического памятника XIII в. „Синодик царя Борила“⁷⁰.

Вне пределов досягаемости А. Н. Пыпина, скорее всего, был тогда и замечательный памятник болгарской литературы начала XIX в. „Автобиография“ Софрония, епископа Врачанского (1765–1813). Это произведение было создано автором в 1805 г. в житийном жанре, о чем свидетельствует его аутентичное заглавие: „Житие и страдания грешнаго Софрония“⁷¹. Оно стоит в ряду сочинений, типичных для переходного периода в развитии сла-

⁶⁹ ЛАВРОВ, П. А. *Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности*. Одесса, 1899. О месте дамаскинов в истории болгарской литературы см.: КАЛИГАНОВ, И. И. Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы. – В: И. И. КАЛИГАНОВ. *Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур*. Москва: Ин-кварти, 2005, с. 232–235.

⁷⁰ ПАЛАУЗОВ, С. Н. Синодик царя Бориса. Рукопись XIV века. – *Български книжици*, I, 1858, с. 195–208; 2., с. 225–236.

⁷¹ Прекрасное издание этого памятника на русском языке см.: СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ. *Жизнеописание*. Издание подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Ленинград: Наука, 1976.

вянских литератур от Средневековья к Новому времени. В нем имеется ряд черт, сходных, например, с житием русского протопопа Аввакума последней трети XVII в.⁷² Указанное произведение Софрония более полувека оставалось в единственном списке – автографе писателя, пока его текст не опубликовал в 1861 г. в своей газете „Дунавский Лебед“ болгарский революционер Г. С. Раковский (1821–1867). Упомянутая газета выходила в Белграде около полутора лет, и ее экземпляры вряд ли имелись в библиотеках России. Аналогичным образом А. Н. Пыпин мог не знать и о поэме „Лесной путник“ самого Раковского, который публиковал ее по частям в различных болгарских периодических изданиях с конца 50-х по начало 60-х годов XIX в.

И, наконец, отдельные памятники болгарской средневековой и „новой“ литературы не были учтены А. Н. Пыпиным, хотя сведения о них, казалось бы, лежали на поверхности. Здесь в первую очередь следует сказать о „Житии Георгия Нового Софийского“ – весьма знаменательном памятнике болгарской литературы, созданном софийским пресвитером Пейо в XVI в. Во-первых, он обозначил линию развития болгарской литературы с тенденцией на использование народного языка: „для простых людей просто и написал“, как декларировал сам Пейо в своем сочинении. Во-вторых, его появление свидетельствовало о трансформации житийного жанра в некое подобие „новой“ литературы. Ему присущи насыщенность контента людской средой, активное участие самого автора в описываемых событиях, использование им элементов „реализма“ и попытки объяснить логику поступков героев с точки зрения психологии. И в третьих, оно отличается чрезвычайной актуальностью для той эпохи. В сочинении речь идет о гибели восемнадцатилетнего юноши Георгия, сожженного турками в Софии в 1515 г. за отказ принять ислам, а проблема исламизации подневольного болгарского населения в Османской империи периодически обострялась. Опубликованные тексты жития Георгия Нового к 1865 г. уже имелись. За десять лет до выхода „Обзора“ житие и службу мученика издал в Самокове национальный первопечатник Никола Карастоянов⁷³. Кроме того, в канун появления „Обзора“ еще один южнославянский список памятника XVIII в. опубликовал в России ученый А. Ф. Гильфердинг⁷⁴, с которым А. Н. Пыпин был хорошо знаком.

Возможно, многое уяснилось бы и для самого А. Н. Пыпина при его ознакомлении с содержанием тех болгарских изданий, о которых он сообщал читателю. Так, например, в „Деннице новоболгарского образования“ (1841) В. Априлова приводились тексты двух стихотворных со-

⁷² КАЛИГАНОВ, И. И. Традиции старой..., с 248.

⁷³ КАРАСТОЯНОВ, Н. *Служба с житием и страданием святого великомученика Георгия Нового*. Самоков, 1855.

⁷⁴ ГИЛЬФЕРДИН, А. Ф. Болгарское житие Георгия Нового Софийского. – В: *Летопись занятий Археографической комиссии. 1862–1863*. Санкт-Петербург, 1864. Вып. II. Приложения, с. 1–24.

чинений, посвященных Ю. И. Венелину: „Ода Ю. И. Венелину“ (1837) и „Рыдание на смерть Ю. И. Венелина“ (1839). Обе они принадлежали перу, в сущности, первого “нового” болгарского поэта Георгия Пешакова (1785–1854), почти всю жизнь прожившего в эмиграции в Валахии и Румынии. Он был полиглотом, писал не только на болгарском языке, но и на румынском и греческом, однако большинство его произведений при жизни не были изданы. Из того, что все-таки было тогда напечатано на болгарском языке, можно привести еще пять стихотворений, вошедших в издание 1855 г. П. А. Бессонова „Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар“. Опубликованные в нем сентиментальные стихи Г. Пешакова являются подражательными и во многом ученическими. Но это не перечеркивает его пальму первенства как первого „нового“ болгарского стихотворца, пусть и не поднявшегося со ступени ремесленничества на более высокую ступень мастера⁷⁵.

Можно привести и другие мелкие недочеты А. Н. Пыпина подобного рода, но это было бы несправедливым по отношению к нему, как ученому. Нельзя забывать тот факт, что он был филологом достаточно широких интересов, а не профильным болгаристом, отслеживающим все болгаристические публикации по проблематике. Следует принимать во внимание и то, что создание им совместно с В. Д. Спасовичем „Обзора“ было осуществлено в самые сжатые сроки, и перед ним стояла задача рассказать читателю о развитии всех славянских литератур за исключением польской. И самое главное: многие из имевшихся в „Обзоре“ лакун и недосказанностей А. Н. Пыпин сумел устранить во втором, значительно расширенном и дополненном двухтомном издании труда, который вышел в Санкт-Петербурге в 1879 и 1881 гг. под названием „История славянских литератур“. Этот вариант труда вызвал большой интерес в научном и преподавательском мире и на протяжении всего лишь трех лет был переведен на чешский (Прага, 1880–1882), немецкий (Лейпциг, 1880–1884), французский (Париж, 1881) и лужицкий (Будишин, 1881) языки⁷⁶. Переводы сербского и болгарского разделов из „Истории“ появились в Сербии в Болгарии. Болгарский перевод осуществил некто Георгий Колушский, личность которого до сих пор не идентифицирована⁷⁷. Подробное рассмотрение второго варианта болгарского раздела А. Н. Пыпина 1879 г. послужит темой другой моей публикации.

⁷⁵ БАЕВА, С., И. КОНЕВ. Георги Хаджитомов Пешаков. Живот и дело. – *Литературна мисъл*, XIV, 1970, № 1, с. 100.

⁷⁶ *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Отв. ред. В. А. Дьяков. Москва: Наука. 1979, с. 287.

⁷⁷ DOBBELEER, M. de. Translation and/or Adaptation? Georgi Kolushki's Bulgarian Version (1884) of Aleksandr Pypin's Literary History of the Bulgarians. – В: *Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI–XXI век)*, с. 289–306.

ЛИТЕРАТУРЫ

БАЕВА, С., И. КОНЕВ. Георги Хаджитомов Пешаков. Живот и дело. – *Литературна мисъл*, XIV, 1970, № 1, с. 83–101. [BAEVA, S., I. KONEV. Georgi Hadzhitomov Peshakov. Zhivot i delo. – *Literaturna misal*, XIV, 1970, No 1, s. 83–101.]

БАРСКИЙ, Я. Л. *Список трудов акад. А. Н. Пыпина. 1853–1903*. Санкт-Петербург, 1903. [BARKSIY, Ya. L. *Spisok trudov akad. A. N. Pypina. 1853–1903*. Sankt-Peterburg, 1903.]

БАРСУКОВ, Н. *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 2. Санкт-Петербург, 1889. [BARSUKOV, N. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina*. Кн. 2. Sankt-Peterburg, 1889.]

БЕРНШТЕЙН, С. Б. Из истории русского славяноведения. Виктор Иванович Григорович. – В: *Известия отделения литературы и языка АН*. Москва, 1976, т. 35, вып. 6, с. 533–538. [BERNSHTEYN, S. B. Iz istorii russkogo slavyanovedeniya. Viktor Ivanovich Grigorovich. – V: *Izvestiya otdeleniya literatury i yazyka AN*. Moskva, 1976, t. 35, vup. 6, s. 533–538.]

БЕРОН, П. *Буквар с различни поучения, собрани от Петра Х. Беровича за болгарските училища. Напечатана ся сас помоцта на г. Антоньова Иоановича в годе 1824*. [BERON, P. *Bukvar s razlichni poucheniya, sobrani ot Petra H. Berovicha za bolgarskite uchilishta. Napechata sya sas pomoshhta na g. Anton'ova Ioanovicha v gode 1824*.]

БИЛУНОВ, Б. Н. К истории „Болгарской дружины“ – организации болгарских студентов в Московском университете. – В: *Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время*. Москва: Наука, 1974, с. 182–194. [BILUNOV, B. N. K istorii “Bolgarskoy druzhiny” – organizatsii bolgarskikh studentov v Moskovskom universitete. – V: *Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa v Novoye vremya*. Moskva: Nauka, 1974, s. 182–194.]

ВЕНЕЛИН, Ю. И. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще, составленный по определению Совета Московского университета от 2-го мая 1834 г. Рукопись Ю. И. Венелина и отзыв на нее П. А. Лаврова. (б. м.), (б. г.). [VENELIN, Yu. I. *Konspekt prepodavaniya istorii slavyanskogo yazyka i literatury voobshthe, sostavlennyy po opredeleniyu Soveta Moskovskogo universiteta ot 2-go maya 1834 g*. Rukopis Yu. I. Venelina i otzyv na neye P. A. Lavrova. (b. m.), (b. g.).]

ВЕНЕЛИН, Ю. И. *О зародыше новой болгарской литературы*. Москва: Типография Н. Степанова, 1838. [VENELIN, Yu. I. *O zarodyshe novoy bolgarskoy literatury*. Moskva: Tipografiya N. Stepanova, 1838.]

Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина. Публикация [и вступит. статья: с. V–XXII] подготовлена Г. К. Венедиктовым. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. [*Grammatika nyneshnego bolgarskogo narechiya Yu. I. Venelina*. Publikatsiya [i vstupit. stat'ya: s. V–XXII] podgotovlena G. K. Venediktovym. Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1997.]

ГИЛЬФЕРДИНГ, А. Ф. Болгарское житие Георгия Нового Софийского. – В: *Летопись занятий Археографической комиссии. 1862–1863*. Санкт-Петербург, 1864, вып. II. Приложения, с. 1–24. [GIL'FERDING, A. F. Bolgarskoye zhitiye Georgiya Novogo Sofiyskogo. – V: *Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii. 1862–1863*. Sankt-Peterburg, 1864, vup. II. Prilozheniya, s. 1–24.]

ГРИГОРОВИЧ, В. И. Краткое обозрение славянских литератур. – В:

Ученые записки Казанского университета. Казань: Университетская типография, 1841, кн. I, с. 93–153. [GRIGOROVICH, V. I. *Kratkoye obozreniye slavyanskikh literatur*. – V: *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1841, kn. I, s. 93–153.]

ГРИГОРОВИЧ, В. И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших периодах. – В: *Ученые записки Казанского университета за 1842 г.* Казань: Университетская типография, 1843, кн. 3. [GRIGOROVICH, V. I. *Opyt izlozheniya literatury sloven v yeye glavneyshih periodah*. – V: *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta za 1842 g.* Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1843, kn. 3.]

ГРИГОРОВИЧ, В. И. Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции. – В: *Журнал министерства народного просвещения*, т. 53, Москва, 1847, № 2, с. 1–28. [GRIGOROVICH, V. I. *Izyskaniya o slavyanskikh apostolah, proizvedennyye v stranah Evropeyskoy Turtsii*. – V: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, t. 53, Moskva, 1847, No 2, s. 1–28.]

ГРИГОРОВИЧ, В. И. *Службы святым Кириллу и Мефодию: Древнеславянский памятник, дополняющий житие Свв. Апостолов Кирилла и Мефодия*. Казань: Университетская типография, 1862. [GRIGOROVICH, V. I. *Sluzhby svyatym Kirillu i Mefodiyu. Drevneslavyanskiy pamyatnik, dopolnyayushtiy zhitiye Svv. Apostolov Kirilla i Mefodiya*. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1862.]

ГРИГОРОВИЧ, В. И. *и развитие славяноведения в России: материалы „круглого стола“ с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого*. Казань, 10 апреля 2015 г. [V. I. Grigorovich i razvitiye slavyanovedeniya v Rossii: materialy “kruglogo stola” s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashennogo 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo. Kazan', 10 aprelya 2015 g.]

ГЮЗЕЛЕВ, В., Х. КОЛАРОВ. Списание на трудовете на Спиридон Н. Палаузов. – В: *Известия на Българското историческо дружество*, кн. XXIX, София, 1974, с. 157–160. [GYUZELEV, V., H. KOLAROV. *Spisak na trudovete na Spiridon N. Palauzov*. – V: *Izvestiya na Balgarskoto istoricheskoto druzhestvo*, kn. XXIX, Sofia, 1974, s. 157–160.]

ДОБРОВСКИЙ, Й. *Грамматика славянского языка по древнему наречию*. Ч. 1–3. Санкт Петербург, 1833–1834. [DOBROVSKIY, J. *Grammatika slavyanskogo yazyka po drevnetmu narechiyu*. Ch. 1–3. Sankt Peterburg, 1833–1834.]

ДОБРОВСКИЙ, Й. *Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. Историко-критическое исследование*. Москва, 1825. [DOBROVSKIY, J. *Kirill i Mefodiy, slavyanskiye pervouchiteli. Istoriko-kriticheskoye issledovaniye*. Moskva, 1825.]

ЕРИХОНОВ, Л. С. К. Жинзифов и П. И. Бартенев. – В: *Известия на Института за литература*. Кн. XVI, София, 1965, с. 163–190. [ERIHONOV, L. S. K. Zhinzifov i P. I. Bartenev. – V: *Izvestiya na Instituta za literatura*. Kn. XVI. Sofia, 1965, s. 163–190.]

ЖИНЗИФОВ, Р. *Новобългарска сбирка*. Москва, 1863. [ZHINZIFOV, R. *Novobalgarska sbirka*. Moskva, 1863.]

ЖИНЗИФОВ, Р. *Публицистика*. Т. 2. София: Институт за литература – БАН, 1964. [ZHINZIFOV, R. *Publiitsistika*. T. 2. Sofia: Institit za literature – BAN, 1964.]

ЗЛАТАРСКИ, В. Даскал Карастоянович и неговата печатница. – В: *Периодическо списание*, № 66, София, 1905. [ZLATARSKI, V. *Daskal Karastoyanovich i negovata pechatnitsa*. – V: *Periodicheskoye spisaniye*, No 66, Sofia, 1905.]

[КАЙДАНОВ, И.] *Кратко начертание на всеобщата история от Иван Кайданов*. Будин, 1836. [[KAIDANOV, I.] *Kratko nachertaniye na vseobshchata istoriya ot Ivan Kaidanov*. Budin, 1836.]

КАЛАЙДОВИЧ, К. Ф. *Иоанн ексарх болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX–X столетий*. Москва: Типография С. Селивановского, 1824. [KALAYDOVICH, K. F. *Ioann Eksarkh bolgarskiy. Issledovaniye, ob 'yasnyayushcheye istoriyu slavyanskogo yazyka i literatury IX–X stoletiy*. Moskva: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1824.]

КАЛИГАНОВ, И. И. *Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы*. – В: И. И. КАЛИГАНОВ: *Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур*. Москва: Ин-кварти, 2005, с. 220–256. [KALIGANOV, I. I. *Traditsii staroy pis'mennosti i vzniknoveniye novoy bolgarskoy literatury*. – V: I. I. KALIGANOV: *Vekov svyazuushchaya nit'*. *Voprosy istorii i poetiki slavyanskih literatur i kul'tur*. Moskva: In-kvarto, 2005.]

КАЛИГАНОВ, И. И. *Георгий Новый у восточных славян*. Москва: Индрик, 2000. [KALIGANOV, I. I. *Georgiy Novyy u vostochnykh slavyan*. Moskva: Indrik, 2000.]

КАРАВЕЛОВ, Л. Библиография современной болгарской литературы. – В: *Библиографические записки*. Москва, 1861, т. III, № 9, с. 277–280; № 15, с. 467–471. [KARAVELOV, L. *Bibliografiya sovremennoy bolgarskoy literatury*. – V: *Bibliograficheskiye zapiski*. Moskva, 1861, t. III, No 9, s. 277–280; No 15, s. 467–471.]

КАРАВЕЛОВ, Л. Болгарская журналистика. – В: *Московские ведомости*, 1862, № 153–154. [KARAVELOV, L. *Bolgarskaya zhurnalistika*. – V: *Moskovskiyе vedomosti*, 1862, No 153–154.]

КАРАСТОЯНОВ, Н. *Служба с житием и страданием святого великомученика Георгия Нового*. Самоков, 1855. [KARASTOYANOV, N. *Sluzhba s zhitiyem i stradaniyem svyatogo velikomuchenika Georgiya Novogo*. Samokov, 1855.]

Кирилло-Методиевский сборник в память совершившегося тысячелетию славянской письменности и христианства в России. Издан М. П. Погодиным. Москва: Московская Синодальная типография, 1865. [Kirillo–Mefodiyevskiy sbornik v pamyat' sovershivshegosya tysyacheletiyu slavyanskoy pis'mennosti i hristianstva v Rossii. Izdan M. P. Pogodinym. Moskva: Moskovskaya Sinodal'naya tipografiya, 1865.]

КОЧУБИНСКИЙ А. А. Виктор Иванович Григорович (1815–1876) в истории славяноведения. – В: *Записки Новороссийского университета*, т. 59, ч. 2. Одесса, 1893, с. 24–50. [KUCHUBINSKIY, A. A. Viktor Ivanovich Grigorovich (1815–1876) v istorii slavyanovedeniya. – V: *Zapiski Novorossiyskogo universiteta*, t. 59, ch. 2. Odessa, 1893, s. 24–50.]

КРУТОВА, М. *Переписка болгар Палаузовых с выдающимися деятелями русской книжной культуры 30-х–70-х годов XIX в. (на материале ОР РГБ)*. – В: *Маршрути на книжново общуване между източните и южните славяни (XI–XXI век). Международна научна конференция. 21–22 ноември. София, 2019*. Съст. и ред. Анисава Милтенова, Игор Калиганов. София: ИЦ „Боян Пенев“, 2020, с. 207–216. [KRUTOVA, M. *Perepiska bolgar Palauzovoyh s vydayushtimisya deyatelnyami russkoy knizhnoy kul'tury 30-h–70-h godov XIX v. (na materiale OR RGB)*. – V: *Marshruti na knizhovno obshchuvane mezhdu iztochnite i yuzhnite slavyani (XI–XXI*

vek). *Mezhdunarodna nauchna konferentsiya. 21–22 noyemvri. Sofia, 2019.* Sast. i red. Anisava Miltenova, Igor Kaliganov. Sofia: Boyan Penev, 2020, s. 207–216.]

КУТИНЧЕВ, С. *Печатарството в България.* София: Държавна печатница, 1920. [KUTINCHEV, S. *Pechatarstvoto v Balgariya.* Sofia: Darzhavna pechatnitsa, 1920.]

ЛАВРОВ, П. А. *Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности.* Одесса: [б. и.], 1899. [LAVROV, P. A. *Damaskin Studit i sborniki yego imeni „damaskiny“ v yugoslavyanskoj pis'mennosti.* Odessa, 1899.]

ЛАМАНСКИЙ, В. И. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями. – В: *Записки Академии наук*, т. VI, Санкт-Петербург, 1864, кн. 1, с. 1–167. [LAMANSKIY, V. I. O nekotoryh slavyanskikh rukopisyah v Belgrade, Zagrebe i Vene s filologicheskimi i istoricheskimi primechaniyami. – V: *Zapiski Akademii nauk.* Sankt-Peterburg, 1864, t. VI, kn. 1, s. 1–167.]

ЛАПТЕВА, Л. П. Связи В. И. Григоровича с П. Й. Шафариком (по данным переписки). – В: *Studia Bohemica: К 70-летию С. В. Никольского.* Москва, 1992, с. 73–83. [LAPTEVA, L. P. Svyazi V. I. Grigorovicha s P. Y. Shafarikom (po dannym perepiski). – V: *Studia Bohemica: К 70-letiyu S. V. Nikol'skogo.* Moskva, 1992, s. 73–83.]

ЛАПТЕВА, Л. П. *История славяноведения в России в XIX веке.* Москва: Индрик, 2005. [LAPTEVA, L. P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke.* Moskva: Indrik, 2005.]

ЛЕКОВ, Д. *Райко Жинзифов. Литературно-критически очерк.* София: Български писател, 1979. [LEKOV, D. *Rayko Zhinzifov. Literaturno-kriticheski ocherk.* Sofia: Balgarski pisatel, 1979.]

ЛЕКОВ, Д. *Литература, общество, култура. Литературно-социологически и литературно-исторически проблеми на българското Възраждане.* София: Народна просвета, 1982. [LEKOV, D. *Literatura, obshchestvo, kultura. Literaturno-sotsilogicheski i literaturno-istoricheski problemi na balgarskoto Vazrazhdane.* Sofia: Narodna prosveta, 1982.]

Материалы для биографического словаря действительного члена Императорской Академии наук А. Н. Пыпина. Ч. 2. Петроград: Рос. АН, 1917. [Materialy dlya biograficheskogo slovarya deystvitel'nogo chlena Imperatorskoj Akademii nauk A. N. Pypina. Ch. 2. Petrograd: Ros. AN, 1917.]

НИКУЛИНА М. В. Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики. – В: *Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении.* Институт славяноведения и балканистики РАН. Москва, 1998, с. 122–147. [NIKULINA M. V. Puteshestviye Yu. I. Venelina v Bolgariyu i yego mesto v nachal'noy istorii bolgaristiki. – V: *Yu. I. Venelin v Bolgarskom Vozrozhdenii.* Moskva, 1998, s. 122–147.]

Отчет о девятом присуждении премии графа Уварова 25 сентября 1866 года. Санкт-Петербург, 1867. [Otchet o devyatom prisuzhdenii premii grafa Uvarova 25 sentyabrya 1866 goda. Sankt-Peterburg, 1867.]

ПАЛАУЗОВ, С. Н. *Век болгарского царя Симеона.* Санкт-Петербург: Импер. АН, 1852. [PALAUZOV, S. N. *Vek bolgarskogo tsarya Simeona.* Sankt-Peterburg: Imper. AN, 1852.]

ПАЛАУЗОВ, С. Н. Синодик царя Бориса. Рукопись XIV века. – В.: *Българ-*

ски книжици, I, 1858, с. 195–208; II, с. 225–236. [PALAUZOV, S. N. *Sinodik tsarya Borisa. Rukopis' XIV veka.* – V: *Balgarski knizhitsi*, 1858, I, s. 195–208; II, s. 225–236.]

Памяти И. И. Срезневского. Кн. I. Петроград, 1916. [*Pamiati I. I. Sreznevskogo*. Кн. I. Petrograd, 1916.]

[ПЕТРОВСКИЙ, С. Н.] Библиографический список печатных трудов Виктора Ивановича Григоровича. – В: *Известия отделения русского языка и словесности*, Санкт-Петербург, 1914. т. 19, кн. 3, с. 261–296. [[PETROVSKIY, M. P.] *Bibliograficheskiy spisok pechatnykh trudov Viktora Ivanovicha Grigorovicha.* – V: *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, Sankt-Peterburg, 1914, t. 19, kn. 3, s. 261–296.]

[ПЕТРОВСКИЙ, М. П.] Григорович и Прейс. – В: *Известия отделения русского языка и словесности*. Санкт-Петербург, 1897, т. 2, кн. 3, с. 722–744. [[PETROVSKIY, M. P.] *Grigorovich i Preys.* – V: *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. Sankt-Peterburg. 1897, t. 2, kn. 3, s. 722–744.]

ПЕТРУНЬ, Ф. Е. К библиографии печатных трудов В. И. Григоровича. – В: *Отделение по русскому языку и словесности*. Ленинград: АН СССР, 1929, т. 2, кн. 1, с. 337–345. [PETRUN', F. E. K bibliografii pechatnykh trudov V. I. Grigorovicha. – V: *Otdeleniye po russkomu yazyku i slovesnosti*. Leningrad: AN SSSR, 1929, t. 2, kn. 1, s. 337–345.]

Письма из Болгарии, писанные Н. Г. [Н. Палаузов]. Одесса, 1854. [*Pis'ma iz Bolgarii, pisannyye N. G.* [N. Palauzov]. Odessa, 1854.]

ПЫПИН, А. Н. *Ложные и отреченные книги русской старины*. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Безбородко, вып. III. Санкт-Петербург, 1862. [PYPIN, A. N. *Lozhnyye i otrechennyye knigi russkoy stariny*. Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavayemye grafom Bezborodko, vyp. III. Sankt-Peterburg, 1862.]

ПЫПИН, А. Н., В. Д. СПАСОВИЧ. *Обзор истории славянских литератур*. Санкт-Петербург: Типография Бакста, 1865. [PYPIN, A. N., V. D. SPASOVICH. *Obzor istorii slavyanskih literatur*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Baksta, 1865.]

ПЫПИН, А. Н., В. Д. СПАСОВИЧ. *История славянских литератур*. Санкт-Петербург: Типография Стасюлевича, т. I, 1879; т. 2, 1881. [PYPIN, A. N., V. D. SPASOVICH. *Istoriya slavyanskih literatur*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Stasyulevich, 1879, t. I, 1879; t. 2, 1881.]

РАЙКОВ, Б. *Абагар на Филип Станиславов. Рим, 1651*. София: Народна просвета, 1979. [RAYKOV, B. *Abagar na Filip Stanislavov. Rim, 1651*. Sofia: Narodna prosveta, 1979.]

РАЙКОВ, Д. *Юрий Венелин и българското Възраждане*. София: НБКМ, 1993. [RAYKOV, D. *Yuriy Venelin i balgarskoto Vazrazhdane*. Sofia: NBKM, 1993.]

СЛАВЕЙКОВ, П. *Габровското училище и неговите първи попечители*. Цариград, 1866. [SLAVEYKOV, P. *Gabrovskoto uchilishte i negovite parvi popечители*. Tsarigrad, 1866.]

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. Отв. ред. В. А. Дьяков. Москва: Наука, 1979. [*Slavyanovedeniye v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'*. Отв. red. V. A. D'yakov. Moskva: Nauka, 1979.]

СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ. *Жизнеописание*. Издание подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Ленинград: Наука, 1976. [SOFRONIY VRACHANSKIY. *Zhizneopisaniye*. Izdaniye podgotovili N. M. Dylevskiy, A. N. Robinson. Leningrad: Nauka, 1976.]

СПРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. *Очерк книгопечатания в Болгарии*. Санкт-Петербург, 1846. [SREZNEVSKIY, I. I. *Ocherk knigopечатaniya v Bolgarii*. Sankt-Peterburg, 1846.]

[СЫРКУ, П. А.]. *К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Исследование П. А. Сырку. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. Тексты собрания П. А. Сырку*. Санкт-Петербург: Типография АН, 1890. [[SYRKU, P. A.]. *K istorii ispravleniya knig v Bolgarii v XIV v. Issledovaniye P. A. Syrku. Liturgicheskiye trudy patriarkha Yevfimiya Tyrnovskogo. Teksty sobrany P. A. Syrku*. Sankt-Peterburg: Tipografiya AN, 1890.]

[СЫРКУ, П. А.]. *К истории исправления книг в Болгарии XIV в. Исследование П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского*. Санкт-Петербург: Типография АН, 1898. [[SYRKU, P. A.]. *K istorii ispravleniya knig v Bolgarii XIV v. Issledovaniye P. A. Syrku. Vremya i zhizn' patriarkha Yevfimiya Tyrnovskogo*. Sankt-Peterburg: Tipografiya AN, 1898.]

УНДОЛЬСКИЙ, В. М. Константин, епископ Болгарский, ученик Мефодия. – В: *Чтения в обществе истории и древностей российских*. Москва, 1846, кн. 1. Протоколы: № VIII, с. XIX; кн. 2. Протоколы: № 5 от 26 января 1846 г., с. II. [UNDOL'SKIY, V. M. Konstantin, episkop Bolgarskiy, uchenik Mefodiya. – V: *Chteniya v obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. Moskva, 1846, kn. 1. Protokoly: № VIII, s. XIX; kn. 2. Protokoly: № V ot 26 yanvary 1846 g., s. II]

Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). Издание подготовил Г. К. Венедиктов. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005. [*Uchenoye puteshestviye Yu. I. Venelina v Bolgariyu (1830–1831)*. Izdaniye podgotovil G. K. Venediktov. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2005.]

ФРОЛОВА, М. М. Императорское общество истории и древностей российских и развитие в нем болгарской проблематики (первая половина XIX в.). – В: *Материалы для виртуального Музея Славянских Культур*. Вып. I. Москва: Polymedia, 2020, с. 306–314. [FROLOVA, M. M. Imperatorskoye obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh i razvitiye v nyom bolgarskoy problematiki (pervaya polovina XIX v.). – V: *Materialy dlya virtual'nogo Muzeya Slavyanskikh Kul'tur*. Вып. I. Moskva: Polymedia, 2020, s. 306–314.]

ШАФАРИК, П. Й. Расцвет славянской письменности в Булгарии. Пер. с чешского О. М. Бодянского. – В: *Чтения в обществе истории и древностей российских*. Москва, 1847, кн. 2, с. 37–59. [SHAFARIK, P. Y. Rastsvet slavyanskoj pis'mennosti v Bulgarii. Per. s cheshskogo O. M. Bodyanskogo. – V: *Chteniya v obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. Moskva, 1847, kn. 2, s. 37–59.]

ЧЕРТКОВ, А. Д. *О переводе Манассиной летописи на словенский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар*. Москва: Типография А. Семена, 1842. [CHERTKOV, A. D. *O perevode Manassiinoy letopisi na slovenskiy yazyk po dvum spiskam: Vatikanskomu i Patriarshey biblioteki, s ocherkom istorii болгар*. Moskva: Tipografiya A. Semena, 1842.]

Ю. И. ВЕНЕЛИН в Болгарском Возрождении. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. [Yu. I. VENELIN v Bolgarskom Vozrozhdenii. Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1998.]

ЯГИЧ, В. *История славянской филологии*. Санкт-Петербург, 1910. [Ре-принт: Москва: Индрик, 2006.] [YAGICH, V. *Istoriya slavyanskoj filologii*. Sankt-Peterburg, 1910. (Reprint: Moskva: Indrik, 2006.)]

CUKULJEVIĆ–SAKCINSKI, I. Prezvitiera Kozmy Slovo o bogomilich i eretich. – In: *Arkiv za poviesticu jugoslavenskich*, 4, 1857, p. 69–97.

DOBBELEER, M. de. Translation and/or Adaptation? Georgi Kolushki's Bulgarian Version (1884) of Aleksandr Pypin's Literary History of the Bulgarians. – В: *Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI–XXI век). Международна научна конференция. 21–22 ноември. София, 2019*. Съст. и ред. Анисава Милтенова, Игор Калиганов. София: ИЦ „Боян Пенев“, 2020, с. 289–306 [In: *Marshruti na knizhovno obshchuvane mezhdunarodna naučna konferentsiya. 21–22 noyemvri. Sofia, 2019*. Sast. i red. Anisava Miltenova, Igor Kaliganov. Sofia: Boyan Penev, 2020, s. 289–306].

DOBROVSKY, J. *Mährische Legende von Cyrill und Method*. Prag, 1826.

GRIGOROVIČ, V. Svědectví o slovanských apoštolech v Ochridu od Viktora Grigoroviče profesora slovenské literatury v Kazani. – В: *Časopis České museum*, svazek 5. Praha 1847, s. 508–521.

ŠAFARIK P. J. Rozkvet slovanské literatury v Bulharsku. – В: *Časopis České museum* 22, Praha, 1848, s. 1–32.

ŠAFARIK, P. J. *Geschichte Der Slawischen Sprache Und Literatur: Nach Allen Mundarten*. Ofen: Mit Kön und Universitäts, 1826.

SCHERR, J. *Allgemeine Geschichte der Literatur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart: Ein Handbooch für alle Gebildeten*. Stuttgart: Franckh, 1851.

ON THE FIRST HISTORY OF BULGARIAN LITERATURE IN SLAVISTICS (Prehistory and Primary Version of the Text Published by A. N. Pypin in 1865)

Abstract. The article is dedicated to the prehistory and the emergence of the first history of Bulgarian literature in Russia. It was a section on Bulgarian literature in the *Review of the History of Slavic Literature*, published in 1865 by the future academic A. N. Pypin. The process of gradual accumulation of materials necessary for its creation was delayed due to many unfavorable historical factors and lasted a little more than half a century. Such a long period was explained by the fact that the Bulgarians were under Ottoman rule, they did not have national publishing and higher schools, the relatively late start of Slavic studies in this area, and other reasons. The article compares Pypin's work on the Bulgarian theme with the artist's making a mosaic panel of many "puzzles". They belonged to foreign scholars J. Dobrovsky and P. J. Shafarik, Russian researchers Yu. Venelin, V. I. Grigorovich and I. I. Sreznevsky, as well as some representatives of the Bulgarian emigration in Russia as V. Aprilov,

N. Palauzov, R. Zhinzifov, etc. The first version of Pypin's history of Bulgarian literature reflected the level of scientific knowledge of the Slavists in that time, and was distinguished by the presence of many lacunae. The second version of Pypin's section on Bulgarian literature, published about 15 years later in the two-volume "History of Slavic Literature" (St. Petersburg, 1879–1881), was much more successful, enriched with new historical and literary facts and scientific generalizations. This *History* received wide international recognition and almost immediately was translated into many Western European languages. Corresponding extracts from it were translated in Bulgaria and Serbia. *Key words*: Bulgaria, A. N. Pypin, first History of Bulgarian Literature 1865, merits and demerits

Igor Kaliganov, Prof., DSc

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow

32a, Leninskii prospekt, Moscow, Russia, 119334

ORCID.org./0000-0002-1106-5091

E-mail: Kaliganov2009@mail.ru